

Взор

Сад земных наслаждений

18+

Диана Феррис

Сад земных наслаждений

<https://litres.ru/74644513>

SelfPub; 2026

Аннотация

Елена Варга — талантливый реставратор мадридского музея Прадо. Ей поручают подготовить триптих Иеронима Босха «Сад земных наслаждений» к закрытой выставке. Но во время ночной работы Елена замечает невозможное: детали на полотне меняются. А в толпе грешников на правой створке она видит лицо своего младшего брата Ильи, бесследно исчезнувшего при загадочных обстоятельствах двадцать два года назад.

Вскоре Елена узнает страшную правду. Босх не писал этот Сад — он запечатал в нем нечто, существовавшее до появления человечества. Триптих исполняет самые тайные желания тех, кто смотрит на него слишком долго: возвращает мертвых, стирает боль, дарит вечную молодость. Но цена всегда одинакова. Сад забирает твоё лицо, твою память и твою душу, превращая тебя в часть жуткого, вечно голодного пейзажа.

Чтобы спасти брата, Елене предстоит пройти сквозь слои лака, краски и безумия, спуститься в подмалёвок самого Ада. Но как спасти того, кто добровольно стал символом, удерживающим древнее зло?

Диана Феррис

Сад земных наслаждений

Глава 1. След на лаке

Ночью музей звучал иначе.

Днём в нём постоянно что-то двигалось: шаги, голоса, скрип колёсиков уборочных тележек, приглушённый смех школьников, кашель стариков, сухие замечания охранников. После закрытия все эти звуки исчезали, но здание не становилось тихим.

Оно начинало дышать.

Елена Варга знала это давно. Камень остывал, дерево расширялось, металл отзывался на изменение температуры. Иногда где-то в стене раздавался протяжный треск, похожий на вздох. Иногда в пустых залах падала невидимая вещь.

Она привыкла.

К тому, к чему нельзя привыкнуть, она пока не нашла названия.

Елена стояла перед триптихом в мастерской реставраторов, держа в руке тонкую кисть. Над столом горели две холодные лампы. Их свет был направлен на левую створку «Сада земных наслаждений», где на фоне прозрачного голубого воздуха толпились странные существа, растения и люди.

Елена не любила работать ночью, но днём к картине было не подступиться. Даже после закрытия музей присылал к

ней кураторов, экспертов, фотографов. Сегодня ей впервые удалось остаться одной.

Она провела кистью по краю лакового слоя.

— Ещё немного, — прошептала она.

На поверхности картины блеснула тонкая полоса.

Елена наклонилась ближе. Лак был старым, потемневшим, но ещё достаточно прозрачным. Под ним сохранялись мельчайшие подробности: волоски на лапке чудовища, трещина на раковине, крошечный красный плод в руке одного из персонажей.

Она уже собиралась отступить, когда увидела отпечаток.

Влажная ладонь.

Она находилась на внутренней стороне защитного стекла, примерно на уровне её плеча.

Елена нахмурилась и обошла раму. Стекло было герметично закреплено. Снаружи на нём действительно виднелся мутный след — пять пальцев, длинная ладонь, чуть смазанный большой палец.

Кто-то прикоснулся к стеклу изнутри.

Елена осторожно коснулась поверхности перчаткой.

Отпечаток исчез.

На стекле осталась только прозрачная капля.

Она сняла перчатку и взяла лупу. Капля была не водой. Слишком густая. На белой салфетке вещество оставило серый блеск.

Елена подняла взгляд.

В центральной части картины, среди людей, животных и огромных растений, стоял мальчик.

Она видела его сотни раз, но никогда прежде не замечала.

Мальчик держал в руках прозрачную сферу, напоминавшую мыльный пузырь. Его тело было повернуто в сторону, лицо почти скрыто за тонкой веткой. Теперь ветка казалась отодвинутой.

Елена медленно подошла к картине.

Мальчик смотрел прямо на неё.

Он был лет восьми. Худой, с узкими плечами и короткими тёмными волосами. На левой брови — маленький белый шрам.

Елена перестала дышать.

У её брата был такой же шрам.

Илья получил его в семь лет, когда упал с велосипеда. Елена помнила, как мать держала его на кухне, пока отец промывал рассечение. Помнила кровь на белой раковине. Помнила, как Илья плакал и ругался, что больше никогда не сядет на велосипед.

Потом он исчез.

Двадцать два года назад. В конце августа. В тот день в доме случился пожар. Все говорили, что мальчик выбежал наружу, но никто не видел, как именно. Тело не нашли. Мать до самой смерти утверждала, что Илья жив.

Елена не верила.

До этой минуты.

Она приблизилась к полотну настолько, что почти коснулась носом стекла.

На лице мальчика не осталось сомнений. Это был Илья.

Только теперь он казался старше. Не внешне — лицо осталось детским, — но во взгляде было что-то тяжёлое, взрослое.

Он поднял руку.

Мыльный пузырь в его ладонях лопнул.

Внутри стекла раздался тихий хлопок.

Елена резко отступила.

На картине изменилась ещё одна деталь. В глубине центральной панели, под странным розовым сооружением, появилось тёмное пятно. Его не было ни на фотографиях, ни на репродукциях, ни на самой картине, когда она видела её днём.

Пятно медленно вытянулось.

Стало похоже на приоткрытую дверь.

Елена включила камеру на телефоне и сделала снимок.

Вспышка не сработала.

Вместо фотографии экран показал чёрный прямоугольник. В центре его проступила белая точка.

Точка превратилась в глаз.

Елена уронила телефон.

В мастерской кто-то постучал.

Три раза.

С той стороны, где не было двери.

Глава 2. Человек, который знал её имя

Елена не сразу решилась поднять телефон.

Она стояла неподвижно, вслушиваясь в тишину. Сердце билось слишком громко, и от этого ей казалось, что стучит уже не кто-то в стене, а сам музей.

Три удара повторились.

Тук.

Тук.

Тук.

Елена заставила себя посмотреть на стену. За ней находился коридор, а за коридором — закрытый зал североевропейской живописи. Дверь в мастерскую была в другом конце помещения.

Она подошла к ней и заперла на внутренний замок.

Затем вернулась к картине.

Мальчик исчез.

Центральная панель выглядела так, как обычно: безумный праздник людей, животных и растений, застывший в бесконечном движении. Никакой двери. Никакого тёмного пятна.

Только на защитном стекле, прямо над головой Елены, медленно растекалась новая капля серой жидкости.

Она поднялась к потолку взглядом.

Там ничего не было.

В дверь мастерской постучали.

На этот раз один раз.

— Елена?

Она узнала голос.

— Томас?

— Откройте.

Куратор Томас Рейес никогда не приходил в музей после полуночи. Он боялся пустых залов и часто шутил, что картины лучше ведут себя при свидетелях.

Елена сняла цепочку и открыла дверь.

Томас стоял в коридоре, держась за косяк. Он был без пальто, хотя на улице шёл холодный дождь. Его волосы промокли, лицо казалось серым.

— Что произошло? — спросила Елена.

— Вы звонили мне?

— Нет.

Он посмотрел ей за плечо, на картину.

— Вы уже увидели?

Елена ничего не ответила.

Томас вошёл и плотно закрыл дверь. Затем вынул из кармана маленький фонарь и направил луч на триптих.

— Вы видели мальчика?

— Какого мальчика?

— Не лгите.

Его голос прозвучал резко, почти зло. Елена впервые заметила, что Томас дрожит.

— Вы знали, что он там?

— Я знал, что он может появиться.

— Что значит «может»?

Томас приблизился к картине, но остановился на расстоянии двух метров.

— Вы работали с ней раньше?

— Только на предварительном обследовании.

— До сегодняшней ночи вы смотрели на центральную панель одна?

— Да.

Он закрыл глаза.

— Тогда оно выбрало вас.

— Кто?

Томас не ответил. Вместо этого сунул руку во внутренний карман рубашки и достал ключ.

Ключ был старинным, длинным, с круглой бородкой. На головке был вырезан маленький глаз.

— Возьмите.

— От чего он?

— От комнаты под залом старых мастеров.

— Там нет комнаты.

— Именно.

Елена не взяла ключ.

Томас сжал его в кулаке.

— Слушайте меня внимательно. Не пытайтесь очистить центральную панель. Не снимайте стекло. Не оставайтесь рядом после полуночи. И главное...

Он запнулся.

Елена почувствовала холод.

— Что?

Томас поднял взгляд на правую створку. На ней адская земля была залита красными, чёрными и багровыми красками. В центре стоял огромный человекоподобный зверь с лицом, похожим на разбитую скорлупу.

— Не открывайте правую створку после полуночи.

— Она не открывается. Она закреплена.

— Я не о створке.

Томас сделал шаг к Елене. От него пахло дождём и чем-то горелым.

— Если услышите голос из воды, не отвечайте. Если увидите человека, которого давно потеряли, не подходите. И если он назовёт вас по имени...

Он вдруг замолчал.

За стеклом картины что-то шевельнулось.

На центральной панели маленький мальчик повернул голову.

Елена увидела это боковым зрением.

Томас тоже.

Его лицо исказилось.

— Нет, — сказал он.

На картине мальчик поднял руку и коснулся пальцем внутренней стороны стекла.

Томас отступил.

— Оно нашло вас слишком быстро.

— Что нашло?

Томас зажал ладонью грудь.

Сначала Елена решила, что ему стало плохо. Он опустил-ся на колени, пытаясь вдохнуть. На губах выступила тёмная слюна.

Елена бросилась к нему.

— Томас!

Он схватил её за запястье. Сжал с неожиданной силой.

— У вас не было брата.

— Что?

— Его не было.

— Вы что говорите?

— Вспомните пожар.

Томас дёрнулся, будто его потянули назад. Его пальцы разжались. Ключ упал на пол.

Елена успела подхватить его голову.

Томас смотрел куда-то за её плечо.

— Не открывайте... — прошептал он.

— Что?

— Не открывайте ему дверь.

Глаза куратора остекленели.

В мастерской стало очень тихо.

Елена положила пальцы ему на шею. Пульса не было.

Она сидела на полу, держа мёртвого Томаса на руках, и смотрела на картину.

Мальчик исчез.

А на стекле, в том месте, где он стоял, проступили четыре слова.

Они были написаны изнутри.

ЕЛЕНА, ТЫ ОПОЗДАЛА.

Глава 3. Три ноты

Полиция приехала через двадцать минут.

К этому времени Елена уже успела вызвать охрану, сообщить о смерти Томаса и несколько раз вымыть руки, хотя на них не было крови.

Она не сказала о надписи.

Надпись исчезла, когда вошёл первый охранник.

Томаса накрыли белым покрывалом и вынесли из мастерской. Один из полицейских задал Елене несколько стандартных вопросов: когда она видела куратора в последний раз, употреблял ли тот лекарства, не было ли у него конфликтов на работе.

Она отвечала автоматически.

Смерть определили как сердечный приступ. Никаких следов насилия. Никаких признаков отравления.

Но перед тем как тело увезли, Елена заметила на воротнике Томаса тонкую серую полосу.

Ту же, что оставила капля на стекле.

В пять утра музей опечатали.

В шесть Елена приехала домой.

Она жила одна в старом доме недалеко от реки. Квартира была маленькой, с высокими окнами и стенами, увешанными фотографиями картин. На кухне стояла кофемашина, которую Елена включала почти автоматически, когда не могла думать.

Она села за стол и достала ключ.

Металл был холодным.

На головке ключа действительно был вырезан глаз. Внутрь зрачка виднелась тонкая красная линия.

Елена положила рядом телефон. На экране всё ещё был чёрный снимок, сделанный в мастерской. Она пыталась удалить его, но изображение возвращалось после каждого перезапуска.

Белая точка в центре стала больше.

К восьми утра Елена позвонила Матео Ривасу.

Он ответил после шестого звонка.

— Если ты звонишь, чтобы сообщить, что музей закрыт, я уже знаю.

— Томас умер.

На другом конце повисла пауза.

— Как?

— Сердечный приступ.

— У него было больное сердце?

— Не знаю.

— Ты была рядом?

— Да.

Матео снова замолчал.

Они познакомились три года назад, когда Матео помогал проводить экспертизу картины XVII века. Он был искусствоведом, специалистом по символике Северного Возрождения и человеком, который никогда не соглашался с первым объяснением.

— Что случилось на самом деле? — спросил он.

Елена посмотрела на ключ.

— Ты знаешь, что в картине есть мальчик?

— В картине много мальчиков.

— Этот похож на моего брата.

Матео не ответил сразу.

— Елена, Илья исчез двадцать два года назад.

— Я помню.

— Ты уверена, что это не просто сходство?

— Он поднял руку.

— Кто?

— Мальчик.

Матео выдохнул.

— Хорошо. Я приеду.

Он приехал через час, не снимая серого пальто. В одной руке у него был ноутбук, в другой — пластиковый пакет с двумя стаканами кофе.

— Ты выглядишь ужасно, — сказал он.

— Спасибо.

— Это была забота.

Елена поставила перед ним ключ.

Матео взял его двумя пальцами.

— Старый.

— Не знаю, насколько.

— Судя по металлу, девятнадцатый век. Но форма странная. Такие ключи обычно делали для тайных помещений или сейфов.

Елена показала ему телефон.

На экране по-прежнему был чёрный прямоугольник с белой точкой.

Матео нахмурился.

— Ты это сняла?

— В мастерской.

— Почему изображение не меняется?

— Оно меняется.

Елена открыла галерею. Белая точка увеличилась. Теперь это был маленький круг, внутри которого угадывалась тёмная радужка.

Матео забрал телефон.

В этот момент из динамика раздался звук.

Три ноты.

Высокая, низкая, высокая.

Матео медленно поднял глаза.

— Что это?

— Я слышала их в мастерской.

— Ты записала звук?

— Нет.

Но звук повторился.

Три ноты прозвучали уже из кухни.

Елена и Матео одновременно обернулись.

В кухне никого не было.

Кофемашина стояла выключенная. Окно закрыто. На подоконнике — горшок с засохшим базиликом.

Три ноты повторились в третий раз.

Теперь они звучали из телефона.

Матео включил запись. На дорожке не было ничего, кроме шипения. Затем шипение стало гуще, будто кто-то говорил, стоя под водой.

Елена приблизилась к экрану.

— Увеличь громкость.

— Не уверен, что стоит.

— Увеличь.

Матео подчинился.

Сначала раздалось дыхание.

Потом голос.

Детский, хриплый, очень далёкий.

— Елена...

Она отступила от стола.

— Это не может быть.

Голос произнёс ещё два слова:

— Я замёрз.

Телефон погас.

В ту же секунду в коридоре хлопнула дверь.

Матео резко вскочил.

— Здесь кто-то есть?

Елена не ответила.

По полу коридора медленно протекала вода.

Она вытекала из-под входной двери.

На поверхности воды плавал маленький красный плод.

Глава 4. Подмалёвок

Плод оказался не плодом.

Матео надел перчатки и поднял его с пола. Это была тонкая восковая модель яблока, но внутри неё что-то перекачивалось.

— Не трогай, — сказала Елена.

— Я уже трогаю.

Он положил предмет на стеклянную тарелку.

Воск был покрыт чёрными пятнами. Они не расплывались, а медленно перемещались под поверхностью, словно внутри шевелились насекомые.

Матео отошёл.

— Я знаю одного человека, который может это исследовать.

— Нет.

— Елена...

— Мы отвезём это в музей.

— Музей опечатан.

— Тогда в лабораторию.

— Ты видела, откуда оно появилось?

Она посмотрела на входную дверь.

Вода исчезла. Пол был сухим.

Только на металлическом пороге осталось несколько серых следов.

К вечеру Елена добилась разрешения вернуться в музей вместе с Матео. Следователь не возражал: они должны были продолжить работу с картиной, поскольку смерть Томаса могла быть связана с музейными материалами.

В мастерской всё осталось почти так же, как ночью.

Пустой стул.

Белая отметка на полу, где лежало тело.

Лампы над картиной.

Елена не хотела смотреть на центральную панель. Она боялась снова увидеть Илью. Но страх был слабее необходимости понять.

Матео установил инфракрасную камеру и начал сканирование.

Изображение появилось на мониторе через несколько минут.

Сначала под краской проступили обычные линии: предварительный рисунок, поправки, контуры фигур. Затем проявилось нечто, чего не могло быть на картине.

За центральной панелью находились двери.

Не одна и не две. Десятки.

Они образовывали круг, уходя в глубину изображения. Некоторые были крошечными, другие — достаточно большими, чтобы через них прошёл человек.

На каждой двери находился глаз.

Матео увеличил центральную область.

— Это не подмалёвок, — сказал он.

— Почему?

— Линии нанесены поверх первого слоя, но до основной живописи. Однако они слишком точные. Посмотри.

Он выделил часть изображения.

Двери не были нарисованы человеческой рукой. Их контуры состояли из тонких повторяющихся штрихов, похожих на письмо.

Елена приблизилась к монитору.

— Сколько их?

Матео пересчитал.

— Тридцать восемь.

Число отдалось у неё в груди неприятным холодом.

Тридцать восемь дверей.

Она вспомнила слова Томаса: «Вы уже увидели?»

Матео продолжал исследование. Спустя минуту он остановился.

— Здесь лицо.

Елена подошла.

На увеличенном изображении среди дверей проступил

круглый глаз.

Под ним — детское лицо.

Илья.

Но теперь он был изображён не в центральной панели. Его лицо находилось под краской, в самом основании картины, так глубоко, что человеческий глаз не мог его увидеть.

На щеке виднелась белая отметина.

Шрам.

Елена коснулась экрана.

— Сделай изображение чётче.

— Я стараюсь.

— Матео.

Он увеличил контраст.

Лицо стало яснее.

Глаз мальчика был закрыт.

Веки дрогнули.

Матео отшатнулся.

— Это артефакт.

— Он моргнул.

— Невозможно.

— Он моргнул.

Елена достала из кармана фотографию. Старую, выцветшую, снятую в день рождения Ильи. На ней мальчик стоял возле окна с бумажной короной на голове.

Она положила фото рядом с монитором.

Лицо на экране совпадало с фотографией.

В этот момент одна из дверей на инфракрасном изображении открылась.

За ней была не темнота.

Там стояла комната.

Елена увидела обугленные стены, детскую кровать и маленькую фигуру у окна.

Фигура повернулась.

Матео выключил монитор.

— Достаточно.

— Включи обратно.

— Нет.

— Включи.

— Ты не понимаешь, что это?

— Нет. Поэтому включи.

Матео посмотрел на неё.

— Эта комната похожа на дом, в котором исчез Илья?

Елена не ответила.

Она помнила пожар.

Огонь на лестнице. Разбитое окно. Запах мокрой золы. Мать, которая кричала имя Ильи.

Но одну деталь Елена не могла вспомнить.

Где находилась она сама?

Она всегда считала, что стояла во дворе.

Теперь впервые увидела другой образ.

Она сидела в детской комнате.

Перед ней была раскрытая книга.

А рядом стоял Илья и держал в руках красный плод.
Елена закрыла глаза.
Из выключенного монитора донёлся тихий звук.
Три ноты.

Глава 5. Чёрный плод

Тело Томаса забрали из музея утром.

К вечеру он снова появился.

Елена увидела его в отражении стекла.

Он стоял за её спиной, в дальнем конце мастерской, хотя дверь была заперта. На нём был тот же мокрый свитер, волосы прилипли ко лбу, а лицо казалось покрытым тонким слоем пепла.

В правой руке Томас держал чёрное яблоко.

Елена резко обернулась.

Никого.

Отражение исчезло.

— Ты что-то видела? — спросил Матео.

Он сидел возле стола и изучал снимки инфракрасного сканирования.

— Томаса.

— Где?

— Здесь.

— Здесь его нет.

— Я знаю.

Матео поднялся.

— Нам нужно уехать.

— Ещё рано.

— Томас мёртв. Картина ведёт себя ненормально. У нас есть неизвестное вещество, которое появилось в твоей квартире, и запись с голосом ребёнка. Какой части недостаточно?

Елена посмотрела на центральную панель.

— Я хочу найти комнату.

— Ты хочешь найти брата.

— Если он там...

— Елена.

— Если он там, я не могу уйти.

Матео долго молчал.

Он знал, что она права. Или понимал: переубедить её невозможно.

Они вернулись к сканированию после десяти вечера. Музей снова опустел. Охрана разрешила им работать до полуночи, но один из охранников несколько раз заглядывал в мастерскую и всё время держался у двери.

В половине двенадцатого сработала сигнализация.

Не пожарная. Датчик движения в архивном коридоре.

Охранник ушёл проверить камеры.

Через пять минут свет в мастерской погас.

Елена услышала, как Матео выругался.

— Не двигайся, — сказал он.

— Почему?

— В коридоре кто-то ходит.

Раздались шаги.

Медленные, влажные.

Человек шёл босиком. Каждый шаг сопровождался тихим шлепком.

Елена почувствовала запах дыма.

Шаги приблизились к двери.

Остановились.

В замке повернулся ключ.

— Дверь заперта, — прошептал Матео.

Из-за двери слышалось дыхание.

Потом голос Томаса:

— Елена, откройте.

Она зажала рот ладонью.

— Не отвечай, — сказал Матео.

— Елена, это я.

Голос стал старше. Затем моложе.

— Елена, мне холодно.

Она узнала голос Ильи.

Матео схватил её за руку.

— Не слушай.

Из-под двери начала просачиваться вода.

Она растекалась по полу, собираясь в узкую лужу у ног Елены. В воде отражалась картина.

Но отражение было другим.

На центральной панели все фигуры повернули головы к

Елене.

В дальнем конце изображённого сада стоял Илья.

Он держал чёрное яблоко.

Елена шагнула вперёд.

— Не надо, — сказал Матео.

Илья поднёс плод ко рту.

Откусил.

Из места укуса потекла густая чёрная жидкость. Она стекла по его подбородку и упала в нарисованную траву.

В тот же миг кто-то снаружи ударил в дверь.

Елена вскрикнула.

Свет включился.

В коридоре никого не было.

Вода исчезла.

Но на полу, возле двери, лежало чёрное яблоко.

Матео осторожно поддел его металлическим пинцетом и положил в контейнер.

На поверхности плода выступили маленькие пузырьки.

— Это не воск, — сказал он.

— Что тогда?

Он взял скальпель и сделал надрез.

Из яблока показалась тонкая белая нить.

Она извивалась, будто живая.

Матео отдёрнул руку.

Нить выползла наружу и поползла по стеклу контейнера.

На её конце открылся крошечный глаз.

Елена почувствовала, что её ноги подкашиваются.

Снаружи, в коридоре, закричал охранник.

Крик длился всего несколько секунд.

Затем наступила тишина.

Матео выбежал первым.

Елена последовала за ним.

Охранник лежал возле архивной двери. Его глаза были открыты, но зрачки исчезли. Внутри каждого глаза виднелись тонкие чёрные круги, похожие на нарисованные двери.

В руке он сжимал лист бумаги.

Елена разжала его пальцы.

На листе было написано:

ДВЕРЬ ПЕРВАЯ ОТКРЫТА.

Глава 6. Архив пепла

Архив находился под старым залом, куда посетителей не пускали даже во время экскурсий.

Официально там хранились каталоги, документы о реставрациях и материалы, связанные с перемещением картин во время войны. Неофициально музей использовал его для вещей, которые не хотели показывать комиссии: повреждённых рам, спорных фрагментов, картин с неясным происхождением.

Ключ Томаса подошёл к первой двери.

Елена вставила его в замок.

Внутри механизма что-то щёлкнуло.

Свет в коридоре погас.

— Великолепно, — сказал Матео.

— Фонарик есть?

— Только телефон.

Он включил фонарь. Белый луч осветил узкую лестницу, уходящую вниз.

На стене рядом с первой ступенью кто-то нацарапал дату:

1516

Ниже была ещё одна:

1894

И третья:

1998

Елена коснулась последней цифры.

Год исчезновения Ильи.

— Это невозможно, — сказал Матео.

— В этом месте уже слишком много невозможного.

Они спустились.

Лестница закончилась в помещении, которого не было ни на одном плане музея. Комната оказалась длинной и низкой. Вдоль стен стояли пустые рамы.

Десятки рам.

Некоторые были огромными, размером с двери. Другие — маленькими, как оконные проёмы. Все они были обращены внутренней стороной к стене.

Из-за одной рамы доносился слабый шёпот.

— Ты слышишь?

Матео кивнул.

— Не подходи.

Они прошли дальше.

В конце комнаты стоял металлический шкаф. На его дверце был вырезан тот же глаз, что на ключе.

Елена вставила ключ.

Внутри лежала папка, завёрнутая в истлевшую ткань. На ткани сохранился герб, похожий на три соединённых круга.

Матео развернул папку.

В ней находились фотографии, копии писем и несколько листов, написанных на старом нидерландском. На первой фотографии был изображён мужчина в тёмном костюме, стоящий рядом с картиной Босха.

Лицо мужчины выцарапали.

— Кто это? — спросила Елена.

— Не знаю.

— Ты искусствовед.

— Я не всеведущий искусствовед.

Под фотографией стояла подпись:

Первый хранитель. 1894.

Матео перевернул следующий лист. На нём был текст на латыни и перевод, сделанный от руки.

Он прочитал:

— «Картина не должна быть завершена. Три створки удерживают его в границах. Четвёртая створка принадлежит

тому, кто смотрит».

Елена почувствовала холод в затылке.

— Что значит «принадлежит тому, кто смотрит»?

— Не знаю.

— Читай дальше.

Матео перевёл следующий фрагмент:

— «Не называй своё имя перед водой. Не принимай плод из рук умершего. Не входи в комнату, которая помнит тебя».

Елена вспомнила воду в своей квартире.

Чёрное яблоко.

Комнату на подмалёвке.

— Здесь есть имя художника? — спросила она.

Матео перебрал листы.

— Подожди.

Он достал тонкий конверт. Бумага была почти чёрной от старости. На конверте стояла единственная буква:

Н.

Внутри находилось письмо.

Матео читал медленно:

— «Я думал, что создаю изображения. Теперь понимаю: я только копировал то, что уже видело нас».

Он остановился.

— Дальше.

— «Человек не может победить Сад. Он может лишь заставить его забыть дорогу домой».

— Кто это написал?

Матео повернул лист.

Внизу стояла подпись, похожая на соединение нескольких букв.

— Возможно, Босх.

— Возможно?

— Подпись не совпадает с известными образцами.

Елена забрала письмо.

На обороте была нарисована дверь.

Тридцать восемь маленьких глаз окружали её.

Только один глаз был закрашен красным.

— Что это означает? — спросила она.

Из глубины архива донёсся шорох.

Одна из пустых рам медленно повернулась.

Елена и Матео застыли.

Внутри рамы ничего не было.

Только тёмная поверхность, похожая на неподвижную воду.

На этой поверхности появились круги.

Кто-то приближался снизу.

— Нужно уходить, — сказал Матео.

Но Елена уже смотрела в раму.

В чёрной воде отражалась детская комната.

Кровать.

Окно.

Обугленная стена.

И Илья, сидящий на полу.

Он медленно поднял голову.

— Елена, — сказал он.

Голос прозвучал из пустой рамы.

— Я ждал тебя.

Глава 7. Голос из воды

Елена не могла двинуться.

Илья сидел в комнате на подмалёвке, прислонившись спиной к стене. На нём была синяя футболка, которую он носил в день пожара. На коленях лежала открытая книга.

Та самая, которую Елена видела в воспоминании.

— Илья?

Матео схватил её за плечо.

— Не отвечай.

— Но это он.

— Нет.

— Он назвал меня.

— Именно поэтому нет.

Из рамы донёсся детский кашель.

Илья поднял взгляд.

— Ты пришла слишком поздно.

Елена шагнула к раме.

Матео удержал её.

— Вспомни правило.

— Какое?

— Не входить в комнату, которая помнит тебя.

— Это не комната. Это изображение.

— Разница сейчас несущественна.

Илья медленно закрыл книгу.

— Матео тоже здесь, — сказал он. — Он боится, что его отец снова умрёт.

Матео побледнел.

— Откуда он знает?

Илья посмотрел на него.

— Потому что все приходят сюда с одним и тем же.

В раме что-то изменилось.

Комната стала глубже. За спиной Ильи появилась дверь, хотя раньше там была глухая стена.

Из-за двери шёл свет.

Елена узнала этот свет.

Он падал из окна их старого дома на пол детской комнаты. Тёплый, жёлтый, мирный. Свет, который был до пожара.

— Ты можешь выйти? — спросила она.

— А ты можешь войти.

Матео сильнее сжал её плечо.

— Елена, отойди.

— Где ты был всё это время?

— Здесь.

— Двадцать два года?

Илья улыбнулся.

Это была улыбка ребёнка, который знает ответ на вопрос

взрослого, но хочет заставить его просить.

— Здесь нет времени.

За рамой послышался шорох. В комнате начали появляться другие люди. Сначала мать. Затем отец. Затем маленькая Елена.

Она стояла у окна и держала красное яблоко.

Елена зажмурилась.

— Не смотри, — сказал Матео.

Но было поздно.

Память вернулась.

Не обрывок, не видение, а целый день.

Ей было двенадцать.

Илья сидел на полу и листал книгу с картинками. На развороте был изображён странный сад, полный голых людей, огромных ягод и птиц.

— Смотри, — сказал он. — Там можно жить.

— Там страшно.

— Нет. Там никто не умирает.

— Все там выглядят больными.

Илья провёл пальцем по странице.

— Это потому, что они забыли свои имена.

За окном уже темнело. Мать звала их ужинать. Отец включил телевизор в соседней комнате.

Илья достал из книги красное яблоко.

— Откуда оно? — спросила Елена.

— Из сада.

— Ты его нарисовал?

— Нет. Оно пришло.

Елена вспомнила, как он протянул ей яблоко.

Вспомнила, что взяла его.

Вспомнила вкус.

Сладкий, холодный, с металлическим привкусом.

А затем — дверь.

Не в стене.

Внутри книги.

Она открылась между страницами.

За ней был лес.

Елена отступила. Илья вошёл первым.

Она пошла за ним.

Потом дверь закрылась.

Потом начался пожар.

Елена открыла глаза.

Она стояла в архиве, но уже не рядом с Матео.

Она была перед рамой.

Её пальцы лежали на чёрной поверхности, похожей на воду.

Матео кричал что-то позади.

Рама была тёплой.

Из изображения Илья протянул руку.

— Ты всё-таки вспомнила, — сказал он.

Елена отступила.

На поверхности воды отразилось её лицо.

Но отражение было не её.

В нём она увидела себя двенадцатилетнюю — с обгоревшими волосами, с красным яблоком в руке.

Девочка улыбалась.

Затем отражение подняло глаза.

И прошептало:

— Теперь твоя очередь остаться.

Рама дрогнула.

Вода поднялась вверх, против силы тяжести.

Из неё показалась человеческая ладонь.

Елена закричала и ударила по поверхности фонариком.

Чёрная вода брызнула на пол.

Рама вспыхнула белым светом.

На стенах архива одновременно открылись все пустые рамы.

Из каждой донёсся голос.

Десятки голосов произносили одно и то же имя:

— Елена.

Матео рванул её назад.

Они побежали к лестнице.

За спиной захлопывались невидимые двери. Из глубины архива доносился влажный смех, а затем голос Ильи:

— Ты оставила меня здесь.

На последней ступени Елена обернулась.

Внизу, в чёрном проходе между рамами, стоял мальчик.

Илья держал в руках красный плод.

На этот раз он был не один.

За его спиной высилась огромная фигура с пустым лицом и руками, похожими на ветви.

Она наклонилась к Илье и прошептала ему что-то на ухо. Мальчик кивнул.

Затем поднял голову к Елене.

— Открой четвёртую дверь, сестра.

Дверь музея захлопнулась.

А в темноте под зданием кто-то начал медленно царапать изнутри стену.

Глава 8. Комната без двери

Звук был похож на то, как если бы кто-то медленно, с садистским терпением, проводил ржавым гвоздём по внутренней стороне обшивки старого корабля. Скрежет. Пауза. Снова скрежет.

Елена стояла, прижавшись спиной к холодной дубовой двери, ведущей на главную лестницу музея. Её дыхание вырывалось из груди рваными, хриплыми вдохами, а сердце колотилось о рёбра так сильно, что, казалось, этот стук заглушает всё остальное. Рядом Матео судорожно сжимал в руке фонарик; его луч дрожал, выхватывая из темноты коридора куски старинной лепнины, потускневшие позолоченные бра и длинные, искажённые тени, которые, казалось, тянулись к ним из-за углов.

— Они не могут открыть дверь изнутри, — прошептал

Матео, хотя в его голосе не было никакой уверенности, только сухая, академическая попытка рационализировать невозможное. — Замок магнитный, механизм электронный, связан с центральным пультом. Снаружи его можно разблокировать только с помощью ключ-карты охраны.

— Это не они, — ответила Елена, не сводя взгляда с тёмного коридора, ведущего к архиву. Она всё ещё чувствовала на своей ладони фантомное, тошнотворное тепло чёрной воды, которая только что пыталась утащить её в пустую раму. — Это то, что стоит за их спинами. То, что ждало нас внизу.

Скрежет повторился. Теперь он казался ближе, объёмнее. Словно источник звука переместился из глубокого архивного зала прямо в стену, отделявшую их от хранилища реставрационных материалов. Здание музея, построенное в конце восемнадцатого века как дворец для разбогатевшего испанского гранда, а позже превращённое в публичную галерею, хранило в себе множество архитектурных секретов. Стены здесь были толстыми, сложенными из дикого камня и кирпича, а перекрытия скрывали пустоты, о которых не знали даже современные архитекторы, проводившие реконструкцию в девяностых годах.

— Нам нужно уходить, — сказал Матео, делая шаг к выходу. — Прямо сейчас. Мы вызовем полицию, расскажем им про охранника, про воду, про всё.

— Полиция нам не поможет, Матео. Ты сам это знаешь. Они найдут охранника с пустыми глазницами и спишут это

на приступ безумия или токсичные испарения из подвала. А картина останется здесь. И Илья останется там.

Елена сунула руку в карман пальто и нащупала холодный металл. Ключ Томаса. Тот самый ключ, который куратор сунул ей в руку перед смертью, когда его глаза уже начали стекленеть, а изо рта пошла тёмная слюна. Ключ был тяжёлым, с длинным стержнем и круглой бородкой, но главное — на его головке был вырезан глаз. Внутри зрачка, если приглядеться, проступала тонкая, едва заметная красная линия, похожая на трещину в рубине или на запёкшуюся каплю крови.

— Томас сказал, что ключ от комнаты под залом старых мастеров, — медленно произнесла Елена, вытаскивая ключ на свет. В луче фонарика металл тускло блеснул. — Но мы только что были в архиве под залом. И это была не комната. Это был предбанник. Ловушка для тех, кто ищет слишком явно. Настоящая комната находится где-то ещё.

Матео остановился. Его искусствоведческий ум, привыкший искать скрытые смыслы в мазках кисти и символах на полотнах фламандских примитивистов, начал лихорадочно перебирать архитектурные планы здания, которые он изучал годы назад, когда писал диссертацию о влиянии пространства на экспозицию.

— Под залом старых мастеров... — пробормотал он, проводя рукой по щетине. — Там несущая стена. Фундамент уходит прямо в скальное основание Мадрида. Там не может быть никаких комнат. Если только...

— Если только комната не была построена до того, как возвели сам музей, — закончила Елена. — Или если она существует вне привычной нам геометрии. Веди меня.

Они не пошли к главному выходу. Вместо этого Матео свернул в узкий служебный коридор, ведущий к техническим лифтам и старым угольным складам, которые не использовались с середины прошлого века. Воздух здесь был другим: тяжёлым, спёртым, пахнущим сырой штукатуркой, машинным маслом и столетней пылью. Здание дышало. Елена слышала, как где-то в глубине стен оседал камень, как гудели старые трубы, как скрипели деревянные балки. Музей был живым организмом, и сейчас он переваривал то, что произошло в архиве.

Они спустились по винтовой чугунной лестнице, которая вела в самый нижний ярус подвалов. Здесь не было ни камер наблюдения, ни датчиков движения. Только голые бетонные стены, покрытые белёсым налётом селитры, и тусклые аварийные лампы, мигающие в такт каким-то неведомым ритмам.

— Дальше пути нет, — сказал Матео, останавливаясь перед глухой кирпичной стеной, перегораживающей коридор. — Это тупик. За этой стеной грунт.

Елена подошла вплотную к кладке. Кирпичи были старыми, неровными, покрытыми копотью. Она подняла ключ. Красная линия в зрачке вырезанного глаза внезапно начала пульсировать, слабо, но отчётливо, в такт её собственному

пульсу.

— Это не замок, — прошептала она, вспоминая слова Томаса: «Не открывай правую створку после полуночи. Не входи в комнату, которая помнит тебя». — Это не ключ от двери. Это ключ от взгляда.

Она прижала головку ключа с вырезанным глазом к центру глухой стены. Металл не звякнул о кирпич. Он вошёл в него, словно стена была сделана из густого тумана или застывшего воска. Красная линия вспыхнула ослепительным светом, и в ту же секунду из глубины бетона раздался низкий, утробный гул, похожий на вздох огромного зверя.

Стена не сдвинулась. Она просто исчезла.

На её месте зиял проём, ведущий в темноту, которая казалась гуще и чернее, чем ночь снаружи. Оттуда не тянуло сквозняком. Воздух в проёме был абсолютно неподвижным, стерильным и холодным, как в морге.

— Комната без двери, — выдохнул Матео, направляя луч фонарика внутрь.

Свет выхватил пространство, которое заставило мозг Елены протестовать. Комната была огромной, гораздо больше, чем позволяли внешние габариты здания. Но дело было не в размере. Дело было в углах. Стены сходились под такими градусами, что глаз отказывался их воспринимать; пол казался наклонным, хотя ноги стояли ровно; потолок уходил в бесконечность, теряясь в непроглядной мгле. Это было помещение, построенное не для людей, а для чего-то, чьё вос-

приятие пространства кардинально отличалось от человеческого.

Но самым страшным были рамы.

Десятки, сотни пустых рам висели на стенах, стояли на полу, парили в воздухе. Они были разных размеров и форм: массивные, позолоченные, в стиле барокко; строгие, чёрные, из морёного дуба; тонкие, серебряные, почти невесомые. Но внутри каждой из них не было холста. Там была темнота, которая шевелилась.

Елена шагнула внутрь. Звук её шагов не отражался от стен, а поглощался ими, словно комната пила шум.

— Не подходи близко, — предупредил Матео, его голос звучал глухо, как через вату. — В архиве они пытались нас утащить. Здесь их в разы больше. Это... это не просто ловушки. Это коллекция.

Елена подошла к одной из рам, стоявшей на полу. Рама была простой, сосновой, потрескавшейся от времени. Внутри неё клубился серый туман. И вдруг туман расступился, и Елена увидела улицу. Дождь. Фонарь. И мужчину, который стоял под фонарём, держась за грудь. Его лицо было искажено гримасой боли, он беззвучно открывал рот, хватая воздух, которого не было.

— Томас... — прошептала Елена.

Но это был не Томас. Мужчина в раме повернул голову, и его лицо изменилось. Оно стало чужим, незнакомым, но глаза... глаза были полны такого отчаяния, что у Елены пе-

рехватило дыхание. Из рамы донёсся шёпот, тихий, как шелест сухих листьев:

«Я хотел только вернуть её голос. Только один раз услышать, как она поёт. Я отдал своё лицо, но она всё равно не узнала меня...»

Елена отшатнулась. Она поняла. Это были не просто картины. Это были окна в места, где оказались те, кто заключил сделку с Садом. Те, кто получил своё желание, но заплатил за него собой. Они не умерли. Они стали частью экспозиции. Застывшими в вечности моментами своего сожаления.

Матео стоял у другой рамы, огромной, в человеческий рост. Он не двигался. Его плечи были опущены, руки безвольно висели вдоль тела. Из рамы лился тёплый, золотистый свет, пахнущий лавандой и старыми книгами.

— Папа? — голос Матео дрогнул, стал тихим и растерянным, как у маленького мальчика. — Папа, ты же умер. Я был на похоронах. Я видел, как тебя опускали в землю.

«Я не ушёл, сын мой,» — раздался из рамы мягкий, глубокий голос, от которого у Елены по спине пробежал холодок. — «Я просто ждал, когда ты перестанешь бояться. Войди. Здесь нет боли. Здесь нет одиночества. Мы можем читать те книги, которые не успели прочитать. Мы можем говорить о картинах, которые никогда не были написаны. Оставь её, Матео. Оставь эту женщину и войди. Она ведёт тебя к гибели.»

Матео сделал шаг вперёд. Его рука потянулась к рамке.

— Матео, нет! — крикнула Елена, бросаясь к нему. Она схватила его за плечо и с силой рванула назад.

Матео моргнул, словно пробуждаясь от глубокого гипноза. В его глазах стояли слёзы.

— Это был он, — прошептал искусствовед, тяжело дыша. — Это был его голос. Его интонация. Сад знает, как сломать нас. Он читает наши воспоминания, как открытую книгу.

— Это не он, — жёстко сказала Елена, оттаскивая его к центру комнаты, подальше от стен. — Сад питается нашими желаниями. Твоё самое сильное желание — вернуть отца. Моё — вернуть Илью. Но мы не можем войти. Если мы войдём, мы станем частью подмалёвка. Мы станем краской.

Внезапно гул, который они слышали при входе, усилился. Стены комнаты начали медленно, но неумолимо сдвигаться. Геометрия пространства ломалась ещё сильнее. Углы становились острыми, давя на психику. Рамы на стенах задрожали, и из десятков глоток одновременно полился шум. Это был гул голосов. Сотни, тысячи людей, запертых в вечности, начали кричать. Они звали Елену. Они звали Матео. Они умоляли выпустить их, угрожали, проклинали, плакали.

«Елена... Сестра... Открой нам...» — пробился сквозь какофонию детский голос. Голос Ильи.

Елена зажмурилась, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Ключ! — крикнул Матео, перекрикивая шум. — Комната закрывается! Она переваривает нас! Используй ключ!

Елена вытащила ключ из стены. В тот же миг проём, через который они вошли, начал сужаться. Тьма снаружи сгустилась, превращаясь в физическую преграду. Елена подбежала к тому месту, где был вход, и прижала ключ к невидимой границе.

Ничего не произошло. Стена продолжала надвигаться. Рамы падали с грохотом, разбиваясь в щепки, и из каждой разбитой рамы вытекала чёрная, вязкая жидкость, расползаясь по полу.

— Он не работает снаружи! — крикнула Елена. — Дверь нужно закрывать изнутри! Или... или нужно оставить что-то взамен! Сад не отпускает просто так!

Матео посмотрел на неё, затем на приближающиеся стены, затем на свою сумку, в которой лежали образцы пигментов, скальпель и тот самый восковой плод с чёрной нитью, который они нашли в его квартире.

— Оставь это, — сказал Матео, доставая контейнер с чёрным яблоком. — Это часть его. Это его семя.

Он швырнул контейнер в самую большую раму, стоявшую в центре комнаты. Стекло контейнера разбилось. Чёрная нить, извиваясь, как змея, выплеснулась на потемневший холст внутри рамы.

В ту же секунду комната содрогнулась. Раздался оглушительный треск, похожий на крик раненого животного. Стены замерли. Проём за их спинами снова расширился, впуская тусклый свет технического коридора.

— Бежим! — скомандовал Матео.

Они вывалились в коридор, задыхаясь, покрытые холодным потом. За их спинами проём с хлопком схлопнулся, снова став глухой кирпичной стеной. Только на поверхности кирпича остался слабый, едва заметный отпечаток ладони, пахнувший озоном и гнилью.

Елена сползла по стене, прижимая к груди ключ. Она поняла одну важную вещь. Музей был не просто хранилищем. Он был ульем. А картина Босха была его маткой. И чтобы спасти брата, ей предстояло войти в самое сердце этого улья. Но не через архив. Не через чужие воспоминания. А через саму картину.

Глава 9. Ложное имя Босха

Квартира Матео Риваса напоминала не жилище респектабельного искусствоведа, а берлогу алхимика, решившего посвятить свою жизнь разгадке чужого безумия. Просторное помещение на чердаке старого дома в районе Саламанка было заставлено стеллажами, ломящимися от фолиантов, коробок со слайдами, рулонов репродукций и странных приборов, назначение которых было понятно лишь самому хозяину. В воздухе висел густой запах старого бумаги, остывшего кофе и химических реактивов.

Елена сидела за массивным дубовым столом, укутавшись в плед, хотя в квартире было тепло. Она не могла перестать дрожать. Образы из комнаты без двери — мужчина под фонарём, голос отца Матео, чёрная вода — стояли перед глаза-

ми, как выжженные на сетчатке.

Матео суетился у светового стола, раскладывая распечатки инфракрасных снимков, рентгенограммы и спектральные анализы, которые он успел скачать из закрытой базы данных музея, используя пароли Томаса, которые тот, видимо, предвидя свою смерть, оставил ему в зашифрованном письме месяц назад.

— Ты говоришь, что Босх не писал картину, — сказала Елена, наблюдая, как Матео калибрует спектрофотометр. — Но весь мир знает, что «Сад земных наслаждений» — это его работа. Его магнум опус.##x, созданный между 1490 и 1510 годами.

Матео остановился, вытер руки о полотенце и посмотрел на неё. В его глазах горел лихорадочный огонь исследователя, который наконец-то нащупал нить, ведущую к центру лабиринта.

— Весь мир знает то, что ему показали, Елена. Иероним Босх, настоящее имя которого было Йерун ван Акен, был не просто художником. Он был членом Братства Богоматери, иллюминатом, человеком, глубоко погружённым в эзотерику и алхимию. Но он не был создателем Сада. Он был его тюремщиком.

Матео включил световой стол, и поверхность засияла мягким белым светом, подсветив лежащие на ней снимки.

— Смотри сюда. Это рентген центральной панели. Видишь эти плотные, свинцовые области? Это белила. Босх ис-

пользовал их для подмалёвка, чтобы создать базу. Но посмотри на контуры. Они жёсткие, геометричные. Он создавал структуру. Печать. А теперь посмотри на инфракрасную рефлектограмму правой створки, где изображён Ад.

Елена наклонилась. На снимке, проявившемся сквозь слои краски, проступали линии, которых не было на рентгене. Они были мягкими, плавными, почти истеричными.

— Видишь разницу? — спросил Матео, обводя линии пальцем. — Подмалёвок Босха — это клетка. Решётка. А то, что написано поверх... это хаос. Это плоть.

Он подошёл к микроскопу, под которым лежал крошечный образец краски, взятый им ещё во время легальной реставрации пять лет назад. Образец был взят с подписи художника на левой створке и с изображения так называемого «Человека-дерева» в Аду.

— Я провёл рентгенофлуоресцентный анализ, — сказал Матео, глядя в окуляр. — Босх использовал натуральные пигменты: лазурит, малахит, киноварь, свинцовые белила, костяную сажу. Всё это было доступно в начале шестнадцатого века. Но в подписи «Jheronimus Bosch» и в некоторых деталях правой створки, особенно в монстрах, поедающих грешников, присутствует пигмент, которого там быть не может.

— Какой? — спросила Елена, чувствуя, как внутри нарастает напряжение.

— Синтетический ультрамарин, — тихо произнёс Матео,

поднимая голову. — Его изобрели только в 1828 году. И не просто ультрамарин. В нём есть примеси титановых белил, которые начали массово использовать в двадцатом веке.

Елена нахмурилась, пытаясь осмыслить услышанное.

— Ты хочешь сказать, что картину подделали? Что это копия?

— Нет! — Матео ударил ладонью по столу. — Картина настоящая. Дерево, грунт, основной слой — всё это шестнадцатый век. Но кто-то работал поверх неё. Кто-то "дописывал" триптих на протяжении столетий. Они брали оригинал Босха, который был печатью, удерживающей нечто внутри, и добавляли свои детали. Они ослабляли решётку. Они превращали тюрьму в дверь.

Матео начал расхаживать по комнате, его тень металась по стенам, искажая пропорции книжных шкафов.

— Подумай сама. Почему правая створка, Ад, выглядит настолько иначе, настолько более... жестоко, детально, почти сюрреалистично по сравнению с левой и центральной? Искусствоведы веками спорили об этом. Говорили, что Босх в старости стал мрачнее, что его психика пошатнулась. Но это ложь! Ад был дописан позже. Тем, кто знал, как выглядит изнанка мира. Тем, кто хотел, чтобы дверь открылась.

— Кто они? — спросила Елена. — Те, кто дописывал?

— Братство, — ответил Матео, останавливаясь у окна и глядя на тёмные улицы Мадрида. — В архиве мы видели папку с гербом из трёх соединённых кругов. Это символ Брат-

ства Пустого Глаза. Они существовали веками. Аристократы, меценаты, директора музеев. Они поклонялись не Богу и не Дьяволу. Они поклонялись Тому, что было до. Тому, что живёт в пустоте между звёздами и в пустоте внутри человеческого черепа. Босх запечатал это существо в триптихе, используя свою кровь и свою веру как связующее вещество. Но Братство нашло способ исказить его работу.

Матео вернулся к столу и достал из ящика толстую папку в кожаном переплёте.

— Я начал копать в этом направлении после того, как Томас намекнул мне на аномалии в лаковом слое. Я поднял архивы всех реставраций и выставок триптиха за последние сто лет. И знаешь, что я нашёл?

Он бросил папку перед Еленой. Она открыла её. Внутри были фотографии, вырезки из газет, финансовые отчёты.

— Каждая крупная реставрация, каждая "очистка" картины совпадала с исчезновениями людей. В 1894 году, когда картину очищал первый хранитель, пропала его дочь. В 1936 году, во время Гражданской войны, когда триптих прятали в подвалах, исчез целый взвод солдат, охранявших его. А в 1998 году...

Матео замолчал, глядя на Елену с бесконечной жалостью.

— В 1998 году, — продолжила Елена глухим голосом, — проводилась масштабная реставрация перед мировой выставкой. Спонсором выступал частный фонд. И в августе того года, в день окончания реставрации, сгорел мой дом. И

пропал Илья.

— Именно, — кивнул Матео. — Фонд назывался "Fundación Valle". А его основателем и главным меценатом был Адриан Вальдес.

Имя повисло в воздухе, тяжёлое и зловещее.

— Адриан Вальдес, — повторила Елена. — Я слышала это имя. Он коллекционер. Владеет сетью галерей по всему миру. Говорят, он фанатично предан искусству Северного Возрождения.

— Он не просто фанат, Елена. Он текущий глава Братства. И он владеет тем, чего нет ни в одном каталоге. Четвёртой панелью.

Елена резко подняла голову.

— Четвёртой панелью? Но триптих состоит из трёх створок. Левая, центральная, правая.

— В том-то и дело! — воскликнул Матео, его глаза блеснули от возбуждения и страха. — В письме, которое мы нашли в архиве, было сказано: «Четвёртая створка принадлежит тому, кто смотрит». Босх не писал четвёртую панель. Четвёртая панель — это отражение. Это пространство между картиной и зрителем. Это сам зритель, который отдаёт свою душу, чтобы завершить композицию. Вальдес ищет способ материализовать эту четвёртую панель. Ему нужна кровь того, кто уже связан с Садом. Кровь того, кто уже оставил там часть себя.

Елена посмотрела на свои руки. Она вспомнила вкус крас-

ного яблока, которое Илья дал ей двадцать два года назад. Она вспомнила дверь, открывшуюся в книге. Она вспомнила, как вошла в неё.

— Я уже часть композиции, — прошептала она. — Я уже в картине.

— Да, — тихо сказал Матео. — И поэтому Вальдес ищет тебя. Он знает, что ты вернулась в музей. Он знает, что ты начала видеть. Охранник, который умер сегодня ночью... у него в руке была записка. «Дверь первая открыта». Это было послание не нам. Это был отчёт для Вальдеса. Братство уже внутри музея. Они готовят ритуал. Им нужно, чтобы ты встала перед картиной и пожелала вернуть брата. Твоё желание станет клеем, который соединит три створки с четвёртой.

Внезапно в квартире погас свет.

Только экраны мониторов и световой стол продолжали тускло светиться, отбрасывая на лица Елены и Матео призрачные блики.

Затем зазвонил телефон Матео. Звук был резким, неестественно громким в наступившей тишине. На экране высветился номер без определителя.

Матео медленно поднял трубку и включил громкую связь.

Из динамика не раздалось ни слов, ни дыхания. Только звук. Три ноты. Высокая, низкая, высокая. А затем тихий, шелестящий голос, похожий на шуршание сухих листьев по камню:

«Искусствовед Ривас. Вы слишком много смотрите на

подмалёвок. Пора взглянуть на лак. Мы ждём вашу спутницу в музее. Пусть она принесёт ключ. Иначе мы откроем правую створку сами, и Ад вытечет на улицы вашего города.»

Связь прервалась.

Елена встала. Страх, который сковывал её последние часы, внезапно отступил, уступив место холодной, кристальной ясности. Анализ, теории, история искусства — всё это было лишь прелюдией. Братство знало, что они знают. Вальдес загнал их в угол.

— Мне нужно вернуться, — сказала она, направляясь к двери.

— Елена, это самоубийство! — Матео бросился за ней, хватая её за руку. — Они хотят, чтобы ты пришла! Они используют тебя как ключ!

— Если я не приду, они откроют Ад, Матео. Ты сам слышал. И тогда Илья умрёт по-настоящему. А вместе с ним и все те, кто заперт в рамках. Я не могу позволить этому существу выйти. Я должна войти первой. Я должна найти Илью и уничтожить Сад изнутри.

Она высвободила руку, открыла дверь и шагнула в темноту лестничной клетки. Матео стоял в дверях, глядя ей вслед. Он знал, что не сможет её остановить. Он мог только молиться богам, в которых не верил, чтобы краска, которой она станет, была не слишком болезненной.

Глава 10. Первый вход

Музей в три часа ночи переставал быть храмом искусства.

Он превращался в мавзолей, где экспонаты были не мертвы, а лишь притворялись спящими.

Елена шла по пустым залам, и звук её шагов гулко отдавался от мраморных полов. Охраны не было. Ни на постах, ни в комнатах мониторинга. Здание было брошено, словно эвакуировано перед невидимой катастрофой. Воздух был густым, вязким, он пах не воском и пылью, а чем-то сладковатым, тошнотворным — смесью перезревших фруктов, серы и озона. Тот самый запах, который исходил от чёрного яблока.

Она подошла к мастерской реставраторов. Дверь была приоткрыта. Внутри горели только две холодные лампы, направленные на триптих.

«Сад земных наслаждений» парил в полумраке, огромный, пугающий, прекрасный в своём безумии. Но теперь Елена видела его иначе. Она знала, что это не холст и масло. Это срез реальности. Окно в измерение, где геометрия подчиняется не законам физики, а законам голода.

Она подошла вплотную к центральной панели. Защитное стекло, которое днём казалось непробиваемой преградой, теперь было покрыто мелкой испариной. Капли медленно стекали вниз, оставляя мутные следы.

Елена подняла руку и прижала ладонь к стеклу.

Оно было тёплым. И мягким. Палец погрузился в поверхность, словно в густой мёд. Стекло не разбилось, оно расступилось.

— Илья, — прошептала она. — Я иду.

Она сделала шаг вперёд.

Переход не был мгновенным. Это было мучительное, растянутое во времени протискивание сквозь слои реальности. Сначала исчез звук. Гул города, шум вентиляции, её собственное дыхание — всё утонуло в ватной тишине. Затем пропало ощущение гравитации. Тело Елены стало невесомым, но при этом каждая клетка, каждый нерв начали вибрировать от невыносимого напряжения. Она чувствовала, как её физическая оболочка разбирается на атомы, проходит сквозь молекулярную решётку лака, сквозь волокна льняного холста, сквозь грунтовку из мела и кроличьего клея, и собирается заново по ту сторону.

В нос ударил запах. Невыносимо сладкий, удушающий аромат гигантской клубники, смешанный с запахом сырой земли, пота и гниющей листвы.

Елена упала на колени, жадно хватая ртом воздух. Под её руками была не краска и не дерево. Это была трава. Густая, сочная, но странная на ощупь — её травинки казались скользкими, почти мясистыми.

Она открыла глаза и медленно подняла голову.

Дыхание перехватило. Масштаб увиденного не укладывался в сознание. Она больше не была в мастерской. Она находилась на берегу огромного, идеально круглого озера. Вода в нём была не голубой и не зелёной, а нежно-розовой, перламутровой, как внутренняя сторона раковины. По поверх-

ности озера плавали гигантские прозрачные сферы, внутри которых, словно в аквариумах, жили люди. Они купались, обнимались, ели фрукты, не подозревая, что сами являются пищей для чего-то большего.

Над озером, в небе, которое не было небом, а скорее куполом из бледно-лилового тумана, летали птицы. Но это были не птицы. Это были существа с человеческими лицами и крыльями, похожими на перепонки летучих мышей. Они издавали звуки, похожие на три ноты, которые Елена слышала из телефона, но здесь этот звук был оглушительным, пронизывающим до костей.

Вокруг неё, на берегу розового озера, кишели люди. Сотни, тысячи обнажённых мужчин и женщин. Они не были красивы и не были уродливы. Они были... пусты. Их лица выражали лишь маниакальную, навязанную радость. Они играли в странные игры: продевали ноги через гигантские стручки, кормили друг друга ягодами размером с арбуз, танцевали в хороводах вокруг странных, фаллических сооружений. Но в их глазах не было жизни. Это были марионетки, чьи нити дёргал невидимый кукловод.

Елена встала, отряхивая странные, мясистые травинки с одежды. Её пальто и джинсы остались при ней — Сад принял её в том виде, в котором она вошла, но она чувствовала, как ткань начинает медленно менять свою структуру, пропитываясь местной "реальностью".

Она огляделась, ища ориентиры. Вдали, на горизонте, воз-

вышлась фигура, которую она знала по репродукциям. Человек-дерево. Но здесь, в трёхмерном пространстве, он был неописуемо чудовищным. Его тело, прорванное насквозь, представляло собой гигантскую таверну, внутри которой, в полумраке, среди разбитых бочек и игральных костей, кишели грешники. Его тонкие, как спички, ноги уходили в воду, а на голове, вместо шляпы, волынка из человеческого пузыря и дудок из костей издавала непрерывный, сводящий с ума стон.

Это был не Рай. Это была пищеварительная система Бога, который забыл, как переваривать, и начал просто коллекционировать.

— Красиво, правда? — раздался голос за её спиной.

Елена резко обернулась, сжимая в кармане холодный металл ключа.

На берегу, прислонившись к гигантскому стеблю чертополоха, стоял мужчина. Он был одет в современный костюм, дорогой, безупречно сшитый, но его галстук был развязан, а на лацкане пиджака темнело пятно, похожее на запёкшуюся кровь. В руке он держал бокал, наполненный той самой розовой жидкостью из озера.

— Адриан Вальдес, — сказала Елена. Её голос звучал на удивление ровно.

Вальдес улыбнулся. Его улыбка не затрагивала глаз. Глаза были пустыми, как те рамы в подвале.

— Елена Варга. Я ждал вас двадцать два года. Ваш брат был... нетерпелив. Он вошёл слишком рано, когда печать ещё была крепка. Он застрял в подмалёвке. Но вы... вы пришли вовремя. Четвёртая панель готова к проявке.

— Где Илья? — спросила она, делая шаг назад, к воде. Розовая вода плескалась у её ног, и в её глубине она видела мелькание бледных тел.

— Он везде, — ответил Вальдес, широко разводя руками. — Он в траве, по которой вы стоите. Он в плодах, которые едят эти люди. Он стал частью экосистемы. Он хранитель, Елена. Он удерживает дверь изнутри, чтобы я мог контролировать поток. Но он устал. Он хочет, чтобы вы заняли его место.

Вальдес сделал глоток из бокала.

— Сад исполняет желания. Вы хотите спасти брата? Отдайте мне ключ, встаньте в центр озера и позвольте Саду взять ваше лицо. Вы станете новой печатью. Илья вернётся в ваш мир. Он будет жить вашей жизнью. А вы останетесь здесь. Навсегда.

Елена посмотрела на ключ в своей руке. Красная линия в зрачке вырезанного глаза пульсировала. Затем она посмотрела на толпу людей, которые постепенно прекратили свои бессмысленные игры и повернули головы в её сторону. Сотни пустых глаз смотрели на неё.

— Ты лжёшь, Вальдес, — тихо сказала Елена. — Сад не возвращает. Сад только забирает. Если я стану печатью,

Илья не вернётся. Он просто исчезнет окончательно.

Вальдес перестал улыбаться. Его лицо стало жёстким, хищным.

— У вас нет выбора, реставратор. Вы уже внутри. Вы думаете, что пришли сюда по своей воле? Вы пришли, потому что Сад позвал вас. Вы уже перевариваетесь. Посмотрите на свои руки.

Елена опустила взгляд. Кончики её пальцев начинали терять цвет. Кожа становилась прозрачной, под ней проступали не вены и мышцы, а тонкие, переплетённые мазки масляной краски. Свинцовые белила и охра.

Она превращалась в картину.

— Отдай ключ! — рывкнул Вальдес, делая шаг к ней. Из-за его спины, из зарослей гигантского папоротника, вышли трое мужчин в чёрных одеждах. Члены Братства. Их лица были скрыты масками, но в центре каждой маски был вырезан пустой глаз.

Елена отступила ещё на шаг. Вода омочила её ботинки. Она чувствовала, как розовая жидкость начинает разъедать кожу, проникая в поры, забирая её воспоминания. Она начала забывать имя своей матери. Затем запах её духов.

Она сжала ключ так сильно, что металл впился в плоть.

— Ты сказал, что четвёртая панель принадлежит тому, кто смотрит, — сказала Елена, глядя Вальдесу прямо в пустые глаза. — Но ты забыл одно правило Босха. Картина не должна быть завершена.

Она замахнулась и со всей силы швырнула ключ не в Вальдеса, а в розовую воду озера.

Ключ ударился о поверхность с неестественным, звонким звуком, похожим на бой колокола. Вода вспенилась. Три ноты, звучавшие с неба, оборвались.

Толпа на берегу застыла. Вальдес закричал от ярости и бросился вперёд.

Но Елена не стала ждать. Она повернулась и прыгнула в розовую воду.

Жидкость была не холодной и не горячей. Она была густой, как сироп. Она обняла её, потащила на дно. Вокруг неё плавали лица. Лица тех, кто вошёл до неё. И среди них, прямо перед её закрывающимися глазами, проплыло лицо маленького мальчика с белым шрамом на брови.

Илья улыбнулся ей и протянул руку.

Елена схватила его. И тьма сомкнулась над ними, унося их вглубь подмалёвка, туда, где не было ни Вальдеса, ни Братства, ни самого Сада. Только чистый, нетронутый холст, ждущий первого мазка.

Глава 11. Мальчик с красным плодом

Розовая вода не была водой.

Елена поняла это в ту самую секунду, когда её голова погрузилась под перламутровую поверхность. Жидкость была густой, вязкой, она обтекала её тело не как влага, а как тёплый, живой шёлк. В ней не было кислорода, но Елена не

задыхалась. Её лёгкие просто перестали требовать воздуха, словно сама потребность дышать осталась на той стороне стекла, в мире, где люди состоят из мяса и костей, а не из пигмента и связующего вещества.

Она падала сквозь слои.

Сначала прошёл верхний слой лака — он ощущался как тонкая, потрескивающая плёнка статического электричества. Затем слой грязи и копоти, накопившийся за пять веков — он был горьким на вкус, напоминал пепел и старую олифу. Потом она прошла сквозь саму краску. Это было самое странное ощущение: она чувствовала, как её тело разбирается на миллионы крошечных частиц, каждая из которых находит своё место в мазке кисти. Она стала свинцовыми белилами, киноварью, лазуритом. Она почувствовала тяжесть малахита и лёгкость костяной сажи.

А затем она коснулась грунта.

Удар был мягким, но абсолютным. Елена открыла глаза и судорожно вдохнула. Воздух здесь был другим. Он пах перезревшей клубникой, сырой землёй, озоном и чем-то неуловимо сладким, тошнотворным, как запах цветов на могиле.

Она лежала на берегу. Под её ладонями был не песок и не трава. Это была мелкая, хрустящая крошка. Елена поднесла горсть к лицу. Это был растёртый в пыль мел, смешанный с крошечными, блестящими чешуйками слюды. Грунт картины. Основа, на которую пятьсот лет назад неизвестный подмастерье наносил первый слой клея.

Елена медленно поднялась на ноги. Её одежда — джинсы, свитер, пальто — была на ней, но ткань изменилась. Она стала матовой, лишённой объёма, словно её нарисовали поверх её собственного тела. Цвета пальто казались слишком насыщенными, неестественно яркими, как на дешёвой репродукции.

Она огляделась, и её разум, привыкший к логике и законам физики, на мгновение отказался воспринимать реальность.

Она стояла внутри центральной панели «Сада земных наслаждений». Но то, что на холсте в музее Прадо занимало два с лишним метра в ширину, здесь было бесконечным миром, уходящим за горизонт. Небо над головой не было воздухом. Это был купол из бледно-голубого лазурита, по которому, словно трещины на старом фарфоре, шли тонкие, паутинные линии кракелюра. Солнца не было. Свет исходил отовсюду, ровный, бестеневой, тот самый свет, который искусствоведы называли «светом Босха» — холодный, рассеянный, не дающий предметам объёма, но делающий их пугающе чёткими.

Перед ней расстиралось озеро. Оно было идеально круглым, и его вода была того самого нежно-розового оттенка, который Босх получал, смешивая свинцовые белила с каплей кармина. По поверхности озера плавали гигантские прозрачные сферы. Внутри некоторых из них Елена разглядела силуэты людей. Они двигались медленно, словно в замед-

ленной съёмке, обнимались, пили из кубков. Но сферы не отражали свет. Они поглощали его. Это были не мыльные пузыри. Это были икринки. Сад откладывал яйца, и внутри них созревали новые обитатели.

На берегу, у самой воды, росли растения. Но это была не флора. Это была гротескная пародия на природу, рождённая воспалённым воображением. Трава была толщиной с человеческий палец, мясистая, пульсирующая, покрытая мелкими волосками, которые шевелились, даже когда не было ветра. Рядом возвышался куст клубники. Ягоды на нём были размером с автомобиль. Они были ярко-красными, глянцевыми, и с их поверхности медленно стекал густой, липкий сок, пахнувший бродящим вином.

Елена сделала шаг вперёд. Хруст мела под ногами показался ей оглушительным.

— Не наступай на красное, — раздался голос.

Елена вздрогнула и резко обернулась, инстинктивно сжимая в кармане холодный металл ключа, который, вопреки всему, остался с ней.

На огромном, размером с дом, стручке фасоли, который лежал на берегу, сидел мальчик.

Её сердце пропустило удар, а затем забилось с такой силой, что заложило уши. Это был Илья.

Он выглядел точно так же, как в тот день, когда сгорел их дом. Восемь лет. Худые плечи, торчащие уши, тёмные волосы, беспорядочно торчащие вихрами. На нём была та самая

синяя футболка с полинявшим принтом динозавра и короткие джинсовые шорты. На левой коленке — ссадина, покрытая коростой. На левой брови — маленький белый шрам.

Но его глаза... Глаза были другими. В них не было детской непосредственности, не было страха или радости. В них была древняя, невыносимая усталость. Это были глаза существа, которое видело, как рождаются и умирают звёзды, как гниют империи, как высыхает краска на холстах.

— Илья... — выдохнула Елена, делая шаг к нему. Слезы подступили к горлу, размывая и без того странный, плоский свет этого мира. — Илья, ты здесь. Я нашла тебя. Я так долго...

— Стой, — резко сказал мальчик. Его голос был детским, высоким, но интонации были жёсткими, властными. — Не подходи. И не смей произносить это слово.

Елена замерла.

— Какое слово? Имя?

— Любое имя, — Илья спрыгнул со стручка. Он приземлился бесшумно, словно не имел веса. В его правой руке он сжимал какой-то предмет. Елена пригляделась. Это было яблоко. Но не то, восковое, с чёрной нитью внутри, которое они нашли в её квартире. Это был настоящий, налитый соком плод, тёмно-бордовый, почти чёрный у плодоножки. — Здесь нельзя вспоминать своё настоящее имя. И нельзя называть меня моим.

— Почему? — Елена чувствовала, как паника начина-

ет сдавливать грудь. Она прошла сквозь лак, сквозь краску, сквозь пять веков забвения, чтобы найти его, а он отталкивает её.

— Потому что имя — это якорь, — спокойно объяснил мальчик, подходя ближе, но останавливаясь в трёх шагах от неё. — В реальном мире имя привязывает тебя к твоему телу, к твоей истории, к твоим долгам. Здесь, в Саду, имён не существует. Здесь есть только желания. Если ты назовёшь себя, Сад узнает твой истинный вес. Он поймёт, кто ты, и утянет тебя на самое дно, в подмалёвок, где лежат те, кто забыл, как выглядеть. Ты станешь тенью. Пятном на фоне.

Елена посмотрела на свои руки. Кожа казалась идеальной, без пор, без морщин, словно её покрыли тонким слоем ретуши.

— Но я помню тебя, — сказала она, стараясь держать голос ровным. — Я помню, как ты упал с велосипеда. Я помню, как мы прятали от мамы разбитую вазу. Я помню пожар.

Илья усмехнулся. Эта усмешка на детском лице выглядела пугающе.

— Ты помнишь не меня, сестра. Ты помнишь свою боль. Сад питается болью. Он берёт твои воспоминания и строит из них декорации. То, что ты видишь вокруг... — он обвёл рукой гигантские ягоды, розовое озеро, купол из лазурита. — Это не Рай. Это не Эдем. Это желудок. Мы внутри существа, которое было здесь до того, как первый человек взял в руку уголь и нарисовал бизона на стене пещеры. Босх не

придумал этот мир. Он просто подсмотрел в замочную скважину и попытался запереть дверь.

Елена огляделась. Теперь, когда первый шок прошёл, она начала замечать детали, которые раньше ускользали от её взгляда.

Там, вдали, среди гигантских цветов и странных, фаллических башен, двигались люди. Сотни обнажённых фигур. Мужчины и женщины, белые, чёрные, смуглые. Они казались прекрасными, их тела были пропорциональны, лица — лишены изъянов. Но в их движениях была какая-то механическая, кукольная бессмысленность.

Одна женщина сидела верхом на гигантской щуке и кормила её собственными волосами. Группа мужчин пыталась залезть внутрь огромного, прозрачного стеклянного шара, но они скользили и падали, их лица были искажены гримасами экстатического блаженства, которое больше напоминало агонию. Двое любовников обнимались внутри расколотой пополам яичной скорлупы, но их тела срастались друг с другом, кожа переходила в кожу, превращая их в единый, чудовищный нарост.

— Они не счастливы, — прошептала Елена, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — Они выглядят так, будто наслаждаются, но это не так.

— Они забыли, зачем пришли, — сказал Илья, подбрасывая чёрное яблоко в руке. — Сад даёт им то, чего они хотели больше всего на свете. Кто-то хотел вечной молодости. Кто-

то — бесконечной любви. Кто-то — власти над природой. И Сад дал им это. Но Сад не понимает человеческих нюансов. Он даёт буквально. Вечная молодость здесь означает остановку времени, превращение в куклу. Бесконечная любовь означает слияние, потерю границ, растворение в другом.

Илья посмотрел на Елену своими древними, уставшими глазами.

— Ты пришла за мной. Ты хотела спасти меня. Но спасти некого, Елена. Я не пленник. Я — часть иммунитета этого мира. Я — белое кровавое тельце, которое не даёт инфекции выйти наружу. Если ты вытащишь меня, дверь откроется. И то, что спит под корнями этого Сада, проснётся.

— Я не уйду без тебя, — упрямо сказала Елена. Она шагнула вперёд и, прежде чем мальчик успел отстраниться, схватила его за руку.

Её пальцы коснулись его кожи. Она была холодной и гладкой, как фарфор. Но под этим холодом Елена почувствовала пульс. Слабый, рваный, но настоящий. Это был не призрак. Это был не просто слой краски. Это был её брат, застрявший в янтаре чужого безумия.

— Ты глупая, — тихо сказал Илья, не отнимая руки. — Ты всегда была глупой. Помнишь, как ты пыталась склеить разбитую чашку жвачкой?

Елена слабо улыбнулась сквозь слёзы.

— Помню. Мама потом ругалась.

— Нам нужно идти, — сказал Илья, высвобождая руку.

— Вальдес уже здесь. Он чувствует, что четвёртая панель начала проявляться. Ему нужна твоя кровь и твоё отчаяние, чтобы завершить ритуал. Если он найдёт нас раньше, чем мы доберёмся до Человека-дерева, он использует тебя как кисть и перепишет этот мир по своему вкусу.

— А куда мы идём? — спросила Елена, глядя на бесконечные просторы безумного сада.

— К центру, — Илья указал пальцем вдаль, где сквозь туман проступали гигантские, неестественные формы. — К тому месту, где Сад переваривает свои ошибки. Там есть трещина в холсте. Единственное место, где подмалёвок проступает наружу. Если мы сможем разорвать его, мы сможем выйти. Но путь лежит через Пир.

Он повернулся и пошёл по берегу розового озера, легко перешагивая через мясистые стебли. Елена последовала за ним, стараясь не наступать на красные пятна сока, сочащегося из гигантских ягод.

Она шла по миру, который создал гений пятнадцатого века, чтобы предупредить человечество об опасностях плоти и гордыни. Но предупреждение стало тюрьмой. И теперь ей предстояло пройти сквозь этот ад, замаскированный под рай, чтобы спасти того, кого она потеряла дважды.

Воздух вокруг них начал меняться. Сладкий запах клубники сменился тяжёлым, удушающим ароматом жареного мяса и ладана. Где-то вдали, за холмом, поросшим гигантскими чертополохами, слышалась музыка. Это не бы-

ла гармония. Это был хаотичный, визжащий набор звуков: скрип несмазанных колёс, звон разбитого стекла, низкое, утробное гудение волынки и чей-то истерический, не прекращающийся смех.

— Не слушай музыку, — бросил Илья через плечо, не оборачиваясь. — Если она попадёт тебе в голову, ты начнёшь танцевать. А те, кто начинает танцевать в Саду, никогда не останавливаются, пока у них не сотрутся кости.

Елена кивнула, хотя он не мог этого видеть, и ускорила шаг. Ключ в её кармане начал неприятно нагреваться, словно реагируя на приближение к чему-то страшному.

Глава 12. Отец Матео

Матео Ривас не был героем. Он всю жизнь прятался за пыльными фолиантами, за стеклами витрин, за сложными академическими терминами, которые служили ему щитом от грубости реального мира. Он любил искусство именно потому, что оно было мёртвым. Картина не могла предать, статуя не могла уйти, фреска не могла солгать. Они просто были.

Но когда Елена прыгнула в розовую воду озера, а Адриан Вальдес с криком ярости бросился к берегу, Матео совершил единственный по-настоящему иррациональный поступок в своей жизни.

Он не думал. Он просто схватил со стола реставратора тяжёлый металлический шпатель и со всей силы ударил им в центр защитного стекла триптиха.

Стекло, которое должно было выдержать удар молотка,

не разбилось. Оно лопнуло, как мыльный пузырь, с тихим, вздыхающим звуком. И в ту же секунду Вальдес, поняв, что ключ упал в озеро и ритуал может сорваться, схватил Матео за шиворот пальто и с нечеловеческой силой швырнул его в зияющий проём центральной панели.

Полёт был коротким и ужасающим.

Матео почувствовал, как его тело выворачивается наизнанку. Он видел мир не глазами, а всем существом. Он видел, как время сворачивается в спираль, как пространство складывается в оригами. Он почувствовал вкус скипидара и дамарского лака на языке, услышал, как шуршит холст, натянутый на подрамник размером с континент.

А потом он упал.

Удар был жёстким. Матео вышибло воздух из лёгких, он покатился по чему-то твёрдому и шершавому, ободрал ладони и замер, судорожно хватая ртом воздух.

Он лежал на спине и смотрел в небо. Небо было неправильным. Оно было не голубым, а грязно-жёлтым, цвета старой олифы, и по нему плыли облака, похожие на гигантских, раздувшихся медуз.

Матео сел, морщась от боли в ушибленных рёбрах. Он огляделся.

Елены нигде не было. Розового озера тоже. Он находился в совершенно другой части Сада. Если центральная панель была ложным раем, ложным Эдемом, то место, куда он попал, было преддверием Ада. Это была зона странных меха-

низмов и музыкальных инструментов, которые Босх изобразил на правой и частично на центральной створках как орудия пыток и символы бренности бытия.

Вокруг него возвышался лес. Но деревья здесь были сделаны из дерева в буквальном смысле — это были гигантские лютни, арфы и колёсные лиры, вросшие в землю. Их струны были толстыми, как корабельные канаты, и они издавали низкий, вибрирующий гул, от которого у Матео ныли зубы.

Он поднялся на ноги, отряхивая пальто. Ткань была покрыта странным, серым пеплом.

— Елена! — крикнул он.

Голос потонул в гуле струн. Звук здесь вёл себя странно. Он не распространялся волнами, а падал тяжёлыми, вязкими комьями.

Матео пошёл вперёд, стараясь держаться подальше от гигантских инструментов. Его ум искусствоведа лихорадочно работал, пытаясь классифицировать увиденное. *Vanitas*. Суета сует. Музыкальные инструменты в живописи Северного Возрождения часто символизировали мимолётность земных удовольствий, слуховую иллюзию, которая исчезает в ту же секунду, когда замолкает звук. Но здесь, в Саду, эта метафора обрела физическую, хищную форму.

Он шёл уже около часа, хотя время в этом мире не поддавалось измерению. Солнце, или то, что его заменяло, не двигалось. Усталость нарастала, но это была не физическая усталость, а глубокое, экзистенциальное истощение, словно

сам воздух высасывал из него волю.

И тогда он увидел шатёр.

Это был не шатёр, а скорее павильон, сложенный из гигантских, переплетённых нотных листов. Бумага была пожелтевшей, покрытой нотным станом, на котором вместо нот были нарисованы человеческие глаза.

У входа в павильон стоял столик. А за столиком сидел человек.

Матео остановился, словно наткнувшись на невидимую стену. Его сердце сжалось в ледяной комок. Дыхание перехватило.

Человек читал книгу. Он был одет в твидовый пиджак с заплатками на локтях, в руках у него была трубка, из которой вился тонкий, ароматный дымок, пахнувший вишней и ванилью. Седые волосы были аккуратно зачёсаны назад, на носу — роговые очки в тонкой оправе.

— Папа? — голос Матео сорвался на шёпот.

Алехандро Ривас поднял голову. Его лицо было спокойным, доброжелательным, с теми самыми мелкими морщинами вокруг глаз, которые появлялись, когда он улыбался.

— Матео, мальчик мой, — сказал он, закрывая книгу. Голос был именно таким, каким Матео помнил его из детства: низким, бархатистым, с лёгкой хрипотцой. — Ты наконец-то пришёл. Я уже начал думать, что ты заблудился в своих теориях.

Матео сделал шаг вперёд, его ноги дрожали.

— Но ты... ты умер. Пять лет назад. В больнице Святого Креста. Я держал тебя за руку, когда остановилось сердце. Я видел, как тебя опускали в землю.

Алехандро усмехнулся, выколачивая трубку о пепельницу, сделанную из человеческого черепа. Матео вздрогнул, но отец не обратил на это внимания.

— Смерть, Матео, — это просто смена экспозиции. Переход из одного зала в другой. В реальном мире холст был слишком мал, краски выцвели. А здесь... здесь мы можем изучать оригиналы.

Алехандро встал и подошёл к сыну. Он положил руку ему на плечо. Рука была тёплой, тяжёлой, настоящей. Матео закрыл глаза. Запах вишнёвого табака, старого твида и одеколона «Ветивер» ударил в голову, вызывая волну такой острой, почти физической тоски, что на глаза навернулись слёзы.

— Я так скучал по тебе, папа, — прошептал Матео, чувствуя, как рушится его броня цинизма и академической отстранённости.

— Я знаю, сын. Я видел, как ты мучаешься. Как ты пытаешься доказать миру, что ты не просто тень своего отца. Как ты цепляешься за эту женщину, за эту Елену, думая, что она заменит тебе семью. Но она не заменит. Она ведёт тебя к гибели.

Алехандро мягко сжал его плечо.

— Останься здесь, Матео. Сад исполняет желания. Моё желание — видеть тебя рядом, учить тебя, спорить с тобой о фламандцах и итальянцах. Твоё желание — иметь наставника, который наконец-то признает твой талант. Мы можем получить это. Навсегда. Тебе нужно лишь сделать одну маленькую вещь.

— Какую? — глухо спросил Матео, не открывая глаз.

— Оставь её. Пусть Вальдес заберёт её. Пусть он завершит картину. Она — помеха. Она хочет разрушить Сад, а Сад — это единственное место, где искусство вечно. Если она уничтожит триптих, мы все исчезнем. Я исчезну. Ты снова останешься один в своей пыльной квартире, со своими ненаписанными книгами и нереализованными амбициями. Выбирай, Матео. Искусство и отец, или разрушение и одиночество.

Матео стоял неподвижно. Слезы высохали на его щеках, оставляя стягивающее ощущение.

Всё внутри него кричало: «Соглашайся! Останься! Обними его!» Пять лет одиночества, пять лет ночей, проведённых в разговорах с пустым креслом, пять лет вины за то, что он не приехал в больницу раньше, не сказал тех слов, которые нужно было сказать. Сад предлагал ему искупление. Сад предлагал ему покой.

Но Матео Ривас был искусствоведам. А искусствовед, прежде всего, смотрит на детали.

Он медленно открыл глаза и посмотрел на отца.

Алехандро улыбался. Но что-то было не так.

Матео перевёл взгляд на трубку в руке отца. Дым от неё поднимался ровными, идеальными кольцами, которые не рассеивались в воздухе, а застывали, словно нарисованные. Он посмотрел на твидовый пиджак. Рисунок ткани был слишком правильным, геометричным, без случайных переплетений нитей.

А потом он посмотрел в глаза отцу.

Глаза были карими. Тёплыми, любящими.

Но у Алехандро Риваса, настоящего Алехандро, правый глаз был зелёным. Гетерохромия, о которой Матео помнил с детства, которую отец всегда стеснялся и прятал за очками.

И ещё одна деталь. Книга, которую читал отец. На обложке было написано «Жизнеописания Вазари». Но книга лежала на столе корешком вверх, и Матео, с его идеальной фотографической памятью, заметил, что шрифт на корешке — это антиква двадцать первого века, а не тот, который использовался в издании, которое было у его отца.

Сад читал его память. Сад вытаскивал его воспоминания и строил из них декорации. Но Сад не был всеведущим. Он ошибался в мелочах. Он не мог воспроизвести идеальную случайность реальности. Он создавал усреднённый, идеализированный образ.

Матео почувствовал, как внутри него загорается холодный, злой огонь. Это был не его отец. Это был паразит, который надел кожу его отца, чтобы высосать из него душу.

— Ты не мой отец, — тихо сказал Матео.

Улыбка на лице Алехандро не дрогнула, но глаза стали пустыми, плоскими, как стеклянные пуговицы.

— Ты ошибаешься, Матео. Я именно тот, кого ты хочешь видеть.

— Мой отец ненавидел Босха, — сказал Матео, делая шаг назад. Его голос крепнул с каждым словом. — Он называл его вульгарным моралистом, истеричным проповедником, который не умел рисовать анатомию. Он никогда бы не стал защищать этот Сад. Он бы сжёг его к чертям.

Лицо «отца» начало меняться. Кожа пошла пузырями, как плавящийся воск. Твидовый пиджак распался на сотни чёрных жуков, которые посыпались на землю.

— Ты неблагодарный щенок, — прошипело существо голосом, в котором смешались сотни чужих интонаций. — Ты умрёшь здесь один, и никто не напишет твоей эпитафии!

Фигура рванулась к Матео, но он не стал убегать. Он схватил тяжёлую металлическую подставку для нот, стоявшую рядом, и с размаху ударил ею по гигантской лютне, возвышавшейся над павильоном.

Струна лопнула с оглушительным звоном, похожим на выстрел из пушки. Звуковая волна ударила в существо, и оно разлетелось на тысячи сухих, шуршащих лепестков, которые тут же превратились в серый пепел.

Павильон из нотных листов загорелся невидимым огнём и начал осыпаться.

Матео стоял, тяжело дыша, сжимая в руках подставку. Он победил. Он отказался от самой сильной своей привязанности. Но победа была горькой. Он знал, что Сад теперь знает его лучше. Он знал его слабые места. И в следующий раз иллюзия будет безупречной.

Он бросил подставку и пошёл прочь от горящего павильона, туда, где звук волынок и истерического смеха становился всё громче. Ему нужно было найти Елену. Пока он сам не начал верить в то, чего не существует.

Глава 13. Праздник на костях

Они встретились у подножия гигантского сооружения, которое на картине Босха называлось «Адским казино» или «Павильоном игр». Здесь, в трёхмерной реальности Сада, это была гора, сложенная из игровых костей, размером с многоэтажные дома, и переплетённых человеческих тел, застывших в агонии азарта.

Елена и Илья вышли из зарослей мясистого папоротника одновременно с тем, как из-за угла костяной горы появился Матео.

Он выглядел ужасно. Пальто было порвано, лицо покрыто серым пеплом, в глазах стояла такая тоска, что у Елены сжалось сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.